

УДК 008
ББК Ч111

Маргарита Ивановна Гомбоева,
доктор культурологии, профессор,
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com
Баирма Владимировна Дашидоржиева,
Агинский филиал Бурятского государственного университета
(Агинское, Россия), e-mail: bairma-1984@mail.ru

Лакуна в условиях трансграничного взаимодействия

В статье выявлены общие закономерности преодоления лакуны на основе постижения полноты структуры значения слова в условиях трансграничного взаимодействия. В работе раскрыта диалектическая природа лакуны, проявляющаяся в механизмах культурной диффузии в направлении приобретения когнитивной устойчивости. Характер межкультурного взаимодействия в условиях когнитивного диссонанса субъектов трансграничного взаимодействия репрезентирует динамику лакуны. Исследование динамики лакуны может служить в качестве фундамента для прогнозирования технологий адаптации и интеграции культур в едином трансграничном пространстве и разработки эффективных стратегий её элиминирования в процессах межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: динамика лакуны, культурная диффузия, трансграничье, устойчивость и изменчивость лакуны, адаптация культур, культурный сдвиг структуры значений, культурная идентичность.

Margarita Ivanovna Gomboeva,
Doctor of Culturology, Professor,
Zabaikalsky State Humanitarian Pedagogical University
named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com
Bairma Vladimirovna Dashidorzhieva,
Buryat State University, Aginsky Branch
(Aginskoye, Russia), e-mail: bairma-1984@mail.ru

Lacuna in Transborder Interaction

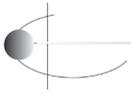
The article reveals the general regularities of overcoming the lacuna on the basis of understanding the completeness of word meanings structure in transborder interaction. The paper discloses the dialectical nature of the lacuna manifested in the mechanisms of cultural diffusion for acquiring cognitive stability. The nature of intercultural communication in case of cognitive dissonance of the subjects of transborder interaction represents the dynamics of the lacuna. The authors investigate the dynamics of lacuna as a basis for forecasting technologies for adaptation and integration of cultures in a single transborder space and for developing effective strategies for its elimination in the processes of intercultural communication.

Keywords: dynamics of lacuna, cultural diffusion, transborder, stability and variability of lacuna, adaptation of cultures, cultural shift of lacuna meanings structure, cultural identity.

Во многих многонациональных регионах Сибири сложился опыт сосуществования коренного и старожильческого населения. Исследователи пишут о культурном единстве региона, о процессах, которые способствуют взаимообогащению, межкультурному диалогу, культурной интеграции – процессам, объек-

тивно наблюдающимся в региональной культуре и истории.

В этом контексте лингвокультурологическое изучение процессов обеспечения взаимопонимания представителями различных культур региона обретает особую актуальность. Историко-культурный опыт

организации межкультурной коммуникации русско-бурятского населения Забайкалья, раскрывающийся в региональных знаниях о предметах, событиях и отношениях, формирующихся в совместной деятельности субъектов межкультурного взаимодействия позволяет выявить и описать культурологические лакуны. Феномен лакуны мы используем в двух известных значениях. Лакуна проявляется как отсутствующее обозначение предмета в инокультуре, а также фиксирует неполноту обозначения предмета. По-существу, выступает одновременно и основой, и результатом различных когнитивных диссонансов межкультурного взаимодействия. Вектор эволюции лакуны определяется социокультурными факторами её трансформации от отсутствия обозначения, через неполноту структуры значения к когнитивному консенсусу полноты значения слова. С этой точки зрения конструирование социокультурной динамики лакуны открывает возможности разработки концептуальных основ методологии непонимания, механизмов и последствий взаимной культурной адаптации культур в условиях трансграничья.

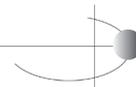
Теоретической основой исследования динамики лакуны выступают идеи культурно обусловленной коннотативной трансформации значений объекта обозначения в процессах межкультурной коммуникации. В настоящее время в отечественной науке отсутствуют исследования, посвящённые осмыслению функциональных закономерностей динамики лакуны в процессах межкультурной коммуникации. Исследовательская традиция изучения динамической модели лакуны, представленная трудами А. Эртельт-Фиит, Е. Денисовой-Шмидт, И. Панасюка, имеет определённые результаты в разработке лакунарной модели и её классификационных сеток. Данные научные школы пришли к выводу о том, что лакуны не фиксируют устойчивые значения, а связаны с теми или иными условиями и перспективами культурных контактов конкретных представителей. По их мнению, описание лакуны представляет собой не строгую классификацию, а именно вид динамической модели, которая позволяет разграничить различные уровни и аспекты ситуации (события) [7, с. 41]. Можно согласиться с результатами исследования отечественных учёных, в частности с И. Панасюком, определяющим лакуну как разницу в значении, которая возникает в первую очередь вследствие изменения структуры значения в его когнитивной части. Лакуна рассматривается как межкультурная раз-

ница в значении или сигнал её присутствия. Подход А. Эртельт-Фиит, Е. Денисовой-Шмидт к изучению феномена лакуны в контексте динамического процесса актуализации лексического значения способствует раскрытию концептуальных основ динамики лакуны в условиях межкультурного взаимодействия. Наша задача заключается в раскрытии влияния фактора межкультурного взаимодействия на динамику лакуны и на этой основе описании присущих закономерностей элиминирования лакуны.

Основное отличие результатов нашей работы заключается в описании обусловленности лакуны историей и культурой повседневности региона, культурой заимствований, механизмами культурной диффузии и трансформациями в культуре региона, произошедшими под влиянием межкультурного, социокультурного взаимодействия. На примере коннотативного сдвига структуры значений слова в русских говорах и бурятском языке, обретения полноты значения слова в условиях межкультурного взаимодействия, определены специфические закономерности преодоления лакуны.

Как известно, структура значения слова в определённой ситуации становится лакуной для других диалектов и говоров, культурной ситуации или культуры в целом. Слова, будучи заимствованными, в результате длительной эволюции в новом языке отдаляются от значения слова-этимона настолько, что превращаются для языка-источника в лакуны этнокультурного характера. Для репрезентации диалектики устойчивости и изменчивости лакуны приведём в пример говор старожильческого населения, в частности староверов или семейских Забайкалья в условиях достаточно длительного бурятско-русского сосуществования. Несмотря на то, что образ жизни староверов отличается замкнутостью быта и религиозной обособленностью, они многое восприняли от бурятской культуры.

Поскольку процесс взаимодействия русских и бурят носит двусторонний характер, то в бурятскую культуру проникли русизмы, обозначающие те или иные предметы и понятия, отсутствующие у бурят, в русскую – бурятизмы, чаще всего фиксирующие те виды деятельности и способы жизнеобеспечения, которые обусловлены спецификой региона, например, охотничья и сельскохозяйственная лексика. Широко используются русским старожильческим населением бурятские слова: «заргол» – изюбр-подросток, «бурун» – годовалый теленок, «яман» – домашний козел,

«даган» («дагамок») – жеребёнок по второму году, «гуран» – дикий козел, «хуруган» – ягнёнок, «тулун» – кожаный мешок и многие другие. Используемые слова, обозначающие конкретные предметы и явления, не изменили свой смысл. Иногда может иметь место звуковое переоформление или лёгкое искажение слова, однако значение их остается таким же, что и на языке носителя.

Интенсивность контактов русских с бурятами привела к активному усвоению ими инокультурных элементов, выходящих за рамки предметного обозначения. Как правило, трудности возникают в случаях использования слов, имеющих многозначное значение. В качестве примера проследим изменение смыслового содержания такого слова, как «бурхан», заимствованного русским языком из бурятского. Так, писатель Евгений Куренной в повести «Осенняя сухмень» активно использует бурятские слова как своеобразное средство характеристики героев. Неутомимый труженик, старый охотник Кирьяныч говорит о своей жене: «Она хочет, чтоб я на месте сидел хуже бурхана» [2, с. 207]. Нейтральное к данной ситуации номинативное значение бурятского слова *бурхан* (скульптурное или живописное изображение отдельных эманацій Будды из буддийского пантеона) при переходе его в русский говор обретает разное значение. Различие интерпретаций данного отрывка представителями русской и бурятской культуры ярко выражено и обусловлено разными уровнями усвоения структуры значений. Так, для русского читателя, знакомого с русским говором забайкальских старожилов, слово бурхан утрачивает ядро своего значения – сакральный смысл. Он актуализирует функциональный смысл: «на месте сидит». Для многих бурятских читателей текста актуальным является метафорическое значение слова и контекст, отражающий сакрализирующее отношение жены к Кирьянычу. В этом контексте слово «бурхан» выступает в значении «святого» человека, тем самым ограничивая и трансформируя исходный смысл слова. В данном случае структура значения данного слова ограничивается на этапе заимствования, а заимствованный номинатив становится лакуной (нулевым значением) для большинства русского читателя, не знакомого с региональной социолингвистической ситуацией.

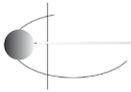
Как видим, при переходе из одного языка в другой структура значения данного слова частично сохраняется, подменяется ядро значения, искажаются периферии, наблю-

дается несоответствие освоения структуры значений. Метафорический, символический аспект – сакральный смысл слова, ядро его значения при переходе из одной культуры в другую утрачен. В целом, слово усвоено. Трансформация структуры значений слова «бурхан» как одного из способов появления лакуны, употреблённого непосредственно в повести «Осенняя сухмень», является показателем поиска частичного сохранения и частичного усвоения смыслового соответствия в результате многолетнего взаимодействия бурят и русских. Историко-культурный опыт организации межкультурной коммуникации русско-бурятского населения Забайкалья раскрывается как результат усвоения знания о предметах, событиях и отношениях, формирующихся в совместной деятельности.

В качестве другого примера постепенного усвоения и сохранения всей полноты структуры значения слова в процессе научного осмысления этнокультурного феномена шаманской практики мы приведём слово «онгон». Появление научных интерпретаций в обозначении данного культурного феномена как наличия у шамана личного духа – покровителя, называемого «онгон», обусловлено влиянием процессов постижения смыслового консенсуса в отношении семантики данного слова. Значение данного бурятского слова отсутствует в русской культуре, но может быть объяснено или реконструировано. Постепенное освоение семантики слова происходит на основе постепенного постижения смысла слова и его культурного контекста.

В начале XX в. бурятское¹ слово – *онгон* переводилось этнографами в качестве смыслового аналога таких русских слов, как «бес», «дьявол» (Д. К. Зеленский и др), «дух», «душа» (первые работы С. А. Токарева и др.), «личный дух-покровитель» шамана (Харитоновна и др). Первые переводы основывались на семантических параллелях, в которых, несомненно, ощущалось давление мировоззренческой и научной позиции ученого и переводчика – носителя европейской культуры. Современное понимание основано на интегративной методологической основе, на попытках обретения смысла слова в зависимости от контекста научного познания и специфики культуры применения слова. Научные интерпретации данного слова выступают ярким примером трансформации структуры значения слова. Первые переводы отличаются далёким от ядра значения слова

¹ Возможно, в бурятский язык оно пришло с монгольского или тюркского языка.

смыслом, что констатирует, тем самым, наличие чистой лакуны. Постигание полноты значения смыслового ядра и периферии слова произошло на примере осмысления феномена американских традиционных практик, по-существу, через аналогии и поиск близких по смыслу метафорических значений и кросс-культурный дискурс с зарубежными учёными.

Известный русский антрополог С. А. Токарев, рассматривая культ личных духов покровителей шаманов – индейцев Северной Америки, выражаемый в таких словах, как *маниту*, *аренда*, *вакан(да)*, писал, что в языках ирокезов, сиу, алконкинов они обозначают полисемантическую сущность и в основном фиксируют сверхъестественную, магическую силу человека [8, 1990, с. 298–299]. Сравнительно-сопоставительные исследования данного автора позволили выявить три смысловых пласта в коннотации слова «онгон», находящегося в семантическом отношении в одном ряду со словами *маниту*, *аренда*, *вакан(да)*. Это – три значения о личном духе шамана: 1) сила, энергия; 2) источник (носитель, даритель, податель) первых; 3) наличие источника, указывающего на наделение человека особым качеством и харизмой, сверхъестественной жизненной силой. В американской и английской литературе укоренилось обозначение *guardian-spirit* – дух – покровитель.

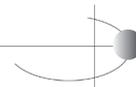
Как видим, постепенно произошёл переход от денотативного значения слова («идол», «изображение божества – духа») к переносному, от метафорического отвлечённого к символическому значению – «энергия», «сверхъестественная сила», подчёркивающему наличие у обладателя некой *потенции*, *эффективности*, как более точно передающих качество действия людей, находящихся в состоянии изменённого сознания. Таким образом, в этих интерпретациях нашли выражение разные проявления качества феномена: 1) как того, чем отличается шаман от нешамана; 2) того, что появляется во время шаманского ритуала, экстаза или действия; 3) того, что есть символ жизненной силы обладателя. Таков процесс усвоения слова в направлении усвоения полноты значения. Поиск адекватного смысла данного слова – проблема, которую пытались решить многие лингвисты и этнографы, проблема, которая лишь в конце XX в. увенчалась относительным успехом.

Нельзя сказать, что у монгольских народов понимание единства и полноты всех проявлений данного явления было заложено изначально. Структура значения слова реа-

лизуется ими в народных представлениях о том, что в онгонах воплощен символ жизненной силы человека и семьи, силы, увеличивающей возможности человека, и потому он присущ всякому, но в разной степени. Человек рождается с определённым запасом жизненной силы, но количество, его энергетика может быть увеличена благодаря помощи личного духа.

Вышеприведенные примеры в аспекте динамики культурной коннотации лакуны демонстрируют истинность положений теории лакун И. Панасюка [9] как таксономии различий в значении, трактовки лакуны А. Эртель-Фиит как исходного пункта семиозиса, коммуникационного процесса, заключающегося в понимании значений [10, с. 121]. Результаты исследований Ю. А. Сорокина о возникновении лакуны в коннотативном слое значений культурного объекта способствуют прояснению природы лакуны [4, с. 123]. Результаты наших исследований о преодолении лакуны в направлении усвоения инокультурой полноты значений культурного объекта способствуют прояснению природы лакуны, обусловленности её динамики в процессе трансграничного взаимодействия.

Эффективность культурных заимствований определяется качеством сформированности культурной идентичности как универсального показателя адаптации субъектов межкультурных контактов. Восприимчивость к чужой культуре, то есть способность менять своё поведение в зависимости от изменения культурного контекста проиллюстрирована на примере бурятского слова «тарбаган», проникшего в культуру семейских с контекстуальным значением с пренебрежительно-презрительной окраской. Тарбаган – запасливый грызун. Тарбаганом иногда называют человека запасливого, живущего только для себя. В повести Е. Куренного «Осенняя сухмень» тарбаганом назван отрицательный её персонаж Афанасий Комов: «в школьном интернате Афоня имел привычку шариться по чужим тумбочкам и стаскивать лакомства куда-нибудь в потайную нору...». Став взрослым, Комов «не успел начальником сделаться – уже товару в лавке нахватал в долг на полтыщи ...» [2, с. 39]. Поведение Афони ассоциируется с животным. В этом случае в результате изменений значений появляются лакуны и происходит, по И. Панасюку, коннотативный сдвиг значений, в основе которого лежит принцип образования эквизнака («Aquizeichen»), контекстуально-связанного знака, имеющего новые семантические рамки

в процессе трансграничного взаимодействия [9]. Лакуна получает, таким образом, новое контекстуальное значение, функционирующее в условиях трансграничья.

Распространенный не только у семейских, но и по всей Сибири фразеологизм «толмач угэ», оба компонента которого номинативны и нейтральны в эмоциональном отношении (рус. *толмач* – устный, словесный переводчик; бур. *угы* – нет, не), свободно развивается и приобретает новый оттенок: толмач угэ – бестолковый, несообразительный человек (Э-э, о чём с тобой говорить? Толмач угэ ты»). Фразеологизм «толмач угэ» становится лакуной в рамках русской культуры и поэтому остаётся скрытым для русского читателя.

Высказывание Ф. Ф. Болонева о степени влияния русских на развитие культуры коренного населения и в то же время о вкладе местных народов в образование специфических для русских Забайкалья черт культуры указывает на двухсторонний этнокультурный процесс во всём его многообразии [1, с. 35]. Лексические единицы бурятского языка в словарном составе семейских (старообрядцев), представляющие собой лакуны для русского реципиента, рассматриваются как результат тесных хозяйственных и бытовых контактов семейских с бурятским населением и как свидетельство, с одной стороны, устойчивости лакуны в внутрикультурном взаимодействии, а с другой стороны, изменчивости лакуны в трансграничном взаимодействии. Диалектика устойчивости и изменчивости лакуны раскрывает существенное влияние устойчивая культурная идентичность субъектов трансграничного взаимодействия на процесс принятия традиций, норм и ценностей иной культуры.

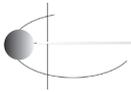
Изменчивость культурного постижения полноты структуры значений лакуны актуализируется и в поэзии известного бурятского поэта Дондока Улзытуева, для которой характерна палитра элементов литературы зарубежного Востока и Средней Азии. Так, в стихотворении «Под Небом Бухары» есть ряд слов-тюркизмов, обозначающих динамичность, изменчивость лакуны в процессе трансграничного взаимодействия: *Ну так здравствуй, Бухара седая, В пояс тебе кланяюсь: салам! Минаретов лалы не видал я, Видел лишь одни кумирни лам..... Бешбармак на блюде остывал. Пили чай мы молча и лениво, Пили из узорчатых пиал. Бухара в дремоту погружалась. Доносился хохот ишака...* [6, с. 217]. Опираясь на идеи И. Ю. Марковиной и Ю. А. Сорокина, можно

определить изменчивость лакуны, обусловленную культурно обусловленным коннотативным сдвигом структуры значений слова. Слово *Бухара* может представлять собой некоторый «разрыв». Значение Бухары (от узб. «удачная крепость») как одного из древнейших городов Узбекистана «затемнено». Существуют различные версии происхождения названия города: по одной версии, слово Бухара означает монастырь, по другой – обитель знания.

Изменчивость лакуны *минарет* (в архитектуре ислама башня (круглая, квадратная башня, украшенная узорной кирпичной кладкой, резьбой, ажурными балконами, ставится рядом с мечетью или включается в её композицию), с которой *муэдзин* призывал верующих на молитву) состоит в том, что в настоящее время муэдзин уже не поднимается на минарет, а его голос транслируется установленными на минарете динамиками. Слово *минарет* в трансграничном текстовом общении автора и читателя приводит к коммуникативному провалу, тем самым образуя лакуну. Данные примеры раскрывают механизм культурной диффузии под влиянием культурного сдвига значений лакуны в процессе трансграничья.

Динамичность лакуны *салам* характеризуется коннотативным сдвигом значений в процессах межкультурной коммуникации. Понятие «салам» первоначально имело чисто религиозное значение и использовалось в смысле «мир с Богом». В процессе трансграничного взаимодействия изменилось его функциональное значение: *салам* (от ассаламу алейкум) обозначает теперь арабское приветствие, эквивалент слова «здравствуйте». Люди других религий здороваются с мусульманами и между собой укороченным словом «салам». Кроме того, согласно Корану мусульмане обязаны отвечать на приветствие, используя не меньше слов, чем тот, кто приветствует. Это ещё раз даёт основание выявить сопряжение лакуны с культурной диффузией как заимствованием культурных объектов в процессе трансграничного взаимодействия.

Приведём ещё один пример культурной обусловленности трансформации изменчивости структуры значений лакуны из этого стихотворения Д. Улзытуева вследствие вариативности её коннотаций в условиях трансграничного взаимодействия. Согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «пиала» означает «сосуд для питья в форме небольшой чаши

без ручки». Для носителя русской культуры пиала – это просто широкая чашка, однако в узбекской культуре пиала есть особенный вид посуды для чаепития, придающий процессу употребления чая особенное значение. В процессе трансграничья пиала приобретает дополнительные коннотации: чай – это первое, что подают в Узбекистане в самом начале трапезы. Функциональное значение чая состоит в большей сосредоточенности на процессе употребления чая из пиалы в силу её конструкции, из пиалы нельзя пить чай, занимаясь другими делами. В Узбекистане чаще всего пьют зелёный чай, чем меньше чая в пиалу наливают гостю, тем большее уважение ему оказывается.

Изменчивость и динамичность лакуны в условиях трансграничного взаимодействия иллюстрируется и словом «бешбармак». Бешбармак означает у башкиров и киргизов варёное крошеное мясо, словом мясное блюдо. В русской культуре данное слово приобрело значение, наряду с первым, оценочное, а именно – полный беспорядок. В этом значении слово «бешбармак» зафиксировано в словаре С. И. Ожегова.

Из приведённых примеров ясно, что диалектика устойчивости и изменчивости лакуны в условиях трансграничного взаимодействия проявляется через культурно-социолингвистически обусловленный процесс трансформации, подвижность и изменчивость структуры значений объекта как механизм культурной диффузии с целью обеспечения когнитивной устойчивости, адаптации культур в едином трансграничном пространстве. Во всех случаях речь идёт о переходных состояниях лакуны в результате культурного постижения структуры значений в условиях трансграничного взаимодействия.

Таким образом, теоретические и практические изыскания по динамике лакуны позволили выявить *общие закономерности динамики лакуны*:

Коннотативная асимметричность, пластичность, изменчивость и динамичность ла-

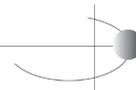
куны позиционируется как механизм проявления культурной диффузии. Изучение теории культурных диффузий позволяет установить национально-специфические индикаторы семантики лакуны, к которым относится культурная маркированность, проявляющаяся в национально-коннотативных значениях культурного объекта на первом этапе взаимодействия. В процессе межкультурной коммуникации денотат, обозначающий культурный объект, остаётся в исходной форме, но существенно изменяется оценочное значение этого культурного объекта (коннотат). С одной стороны, лакуна сохраняет национально-детерминируемый характер, то есть в условиях внутрикультурного взаимодействия носит устойчивый характер, а с другой стороны, в процессе перехода на межкультурный уровень, коннотативное значение превращается в универсальный феномен межкультурной коммуникации, образуя культурную асимметрию лакуны как знака культуры. Изменение функционального значения лакуны актуализируется, вероятно, не только в процессах межкультурной коммуникации.

Устанавливается взаимосвязь между динамикой лакуны и формированием культурной идентичности как универсального показателя адаптации субъектов трансграничного взаимодействия. Динамика лакуны вскрывает её синергичную культурно-образовательную ценность, фундаментальные основания культуры толерантности.

Таким образом, культурологическое осмысление гибкости лакуны актуализируется следующими факторами: социокультурным контекстом межкультурных взаимодействий, потребностью в знании природы и семантики лакуны с целью выбора эффективной стратегии элиминирования лакун как культурных различий, необходимостью изучения лакуны как механизма культурной устойчивости и культурной диффузии в трансграничном пространстве, позволяющей раскрыть переходные состояния в культуре и выявить адапционные практики.

Список литературы

1. Болонев Ф. Ф. Оседлые буряты и ясачные в русских волостях Забайкалья // Межкультурное взаимодействие народов Байкальского региона: сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 35–55.
2. Куренной Е. Осенняя сухмень. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 244 с.
3. Марковина И. Ю., Сорокин, Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 144 с.
4. Сорокин Ю. А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом

аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 120–136.

5. Харитонов В. И. Введение. Хранители и исследователи сакральной культуры: диалог или противостояние? // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 3–7.

6. Улзытуев Д. Напев: стихи. Улан-Удэ, 2005. 237 с.

7. Эртельт-Фиит А., Денисова-Шмидт Е. Лакуны и их классификационная сетка // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2007. № 3. С. 39–51.

8. Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. – М.: Политиздат, 1990. 312 с.

9. Панасюк И. Теория лакун и проблема эквивалентности перевода // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН. 2007. № 6. С. 51–72.

10. Ertelt-Vieth, A. "Kulturen modellieren aus empirisch-induktiver Sicht? Zum Potential zweier Ansätze: Kulturstandards und Lakunen". In: Hahn, H. [ed]: Kulturunterschiede. Interdisziplinäre Konzepte zu kollektiven Identitäten und Mentalitäten. Frankfurt: IKO. 1999. S.121–145.

Spisok literatury

1. Bolonev F. F. Osedlye burjaty i jasachnye v russkih volostjakh Zabajkal'ja // Mezhdkul'turnoe vzaimodejstvie narodov Bajkal'skogo regiona: sb. st. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, 2004. S. 35–55

2. Kurennoj E. Osennaja suhmen'. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1970. 244 s.

3. Markovina I. Ju., Sorokin, Ju. A. Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiju. M.: GJeOTAR-Media, 2008. 144 s.

4. Sorokin Ju. A. Metod ustanovlenija lakun kak odin iz sposobov vyjavlenija specifiky lokal'nyh kul'tur (hudozhestvennaja literatura v kul'turologicheskom aspekte) // Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo povedenija. M: Nauka, 1977. S. 120–136.

5. Haritonova V. I. Vvedenie. Hraniteli i issledovateli sakral'noj kul'tury: dialog ili protivostojanie? // Jetnograficheskoe obozrenie. 2010. №3. S. 3–7.

6. Ulzytuev D. Napev: stihy. Ulan-Udje, 2005. 237 s.

7. Jertel't-Fiit A., Denisova-Shmidt E. Lakuny i ih klassifikacionnaja setka // Voprosy psiholingvistiki. M.: Institut jazykoznanija RAN, 2007. № 3. S. 39–51.

8. Tokarev S. A. Rannie formy religii i ih razvitie. – M.: Politizdat, 1990. 312 s.

9. Panasjuk I. Teorija lakun i problema jekvivalentnosti perevoda // Voprosy psiholingvistiki. M.: Institut jazykoznanija RAN. 2007. № 6. S. 51–72.

10. Ertelt-Vieth, A. "Kulturen modellieren aus empirisch-induktiver Sicht? Zum Potential zweier Ansätze: Kulturstandards und Lakunen". In: Hahn, H. [ed]: Kulturunterschiede. Interdisziplinäre Konzepte zu kollektiven Identitäten und Mentalitäten. Frankfurt: IKO: 1999. S. 121–145.

Статья поступила в редакцию 20.02.2012 г.